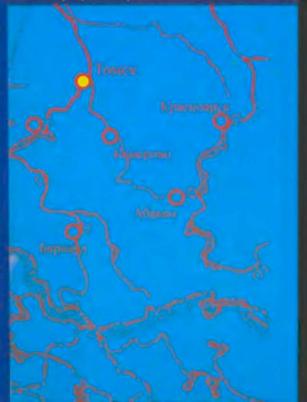

монографии

ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ ИСЛАМА И ОБРАЗОВАНИЕ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Томский Межрегиональный Институт Общественных наук

1.4. Особенности реформирования мусульманской школы в Сибири в годы революции и Гражданской войны

Новые условия для реформирования мусульманской школы были созданы во время революций 1917 г. и Гражданской войны. После февраля 1917 г. сразу же был поставлен вопрос об отмене всех ограничений, связанных с вероисповеданием и национальностью. Уже 3 марта 1917 г., в первой программной декларации новой власти, пункт об «отмене всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений» был поставлен на одно из первых мест²²¹. 20 марта специальным постановлением правительства были отменены все ограничения в правах граждан России, обусловленные принадлежностью к тому или иному вероисповеданию, сословию, национальности, - в праве жительства и передвижения, участия в обществах и товариществах, государственной, военной, гражданской и общественной службе, в праве поступления во всякого рода учебные заведения, употребления иных, кроме русского, языков и наречий в частных учреждениях и школах, собственности на движимое и недвижимое имущество, а также в занятиях торговлей и промышленностью 222.

По распоряжению нового министра просвещения А.А. Мануйлова 20 апреля 1917 г. было отменено около 50 циркулярных распоряжений, касающихся народной школы и внешкольного образования. 8 мая были упразднены училищные советы, а заведование начальными школами передано органам местного самоуправления. 20 июня того же года все церковные и церковноприходские школы, включенные в школьную сеть, были переданы в ведение Министерства народного просвещения (МНП)²²³. Требовали своего решения вопросы организации управления народным образованием на местах и принципов функционирования системы образования.

С этой целью в конце мая 1917 г. при МНП был образован Государственный комитет по народному образованию. Он возник

²²¹ См.: ЖМНП. 1917. Март - апр. С. VII.

²²² См.: Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства. Л., 1980. С. 216-217.

²²³ См.: Звягинцев Е. Постановления Временного правительства и законопроекты Государственного комитета по народному образованию // Вестник воспитания. 1917. № 6-7. С. 22-24.

Советов. Всего в его состав входило более 70 чел. Из них 10 чел. представляли национальные организации²²⁴. По своему составу²²⁵ комитет имел характер скорее политического, нежели общественно-педагогического заведения. Среди его членов было сравнительно мало профессиональных учителей и еще меньше ученых. Некоторые школьные деятели вошли в комитет в качестве представителей политических организаций. Комитет определил свою роль как совещательного органа при МНП, но в действительности являлся органом законодательной инициативы и законодательного творчества по делам народного образования, его решения были обязательными для министра народного просвещения²²⁶.

За короткое время комитет выработал несколько законопроектов, в том числе — Временные положения о заведовании делом народного образования в губерниях. Этим документом управление народным образованием передавалось губернским, уездным и волостным земствам, органам городского, поселкового и сельского самоуправления 227. Среди других документов следует назвать временное положение о начальных училищах, законопроект об общедоступности начального обучения и положение о введении обязательного обучения, проект об автономии средних учебных заведений. Кроме того, комитет разработал предложения о введении новой орфографии, религии в школе, дошкольном и внешкольном образовании, об увеличении содержания учителям народных школ и целый ряд других 228.

Общими положениями, разработанными Государственным комитетом, которые должны были лечь в основу коренной реформы народного образования, государству отводилась роль гаранта конституционных прав, в т. ч. права на образование. Оно должно было содействовать развитию и распространению образования, основывая учреждения, имеющие общегосударственное значение. Все дело народного образования, включая его финан-

²²⁴ См.: Звягинцев Е Указ. соч. С. 26-27.

²²⁵ В состав комитета вошли представители Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, Всероссийского совета крестьянских депутатов, Всероссийского учительского съезда, исполкома Госдумы, Союза городов и Всероссийского земского союза, профсоюзов, студенчества, все товарищи министра народного просвещения.

²²⁶ См.: *Из жизни* средней школы // Вестник воспитания. 1917. № 6–7. С. 38–39.

²²⁷ См.: Звягинцев Е. Постановления Временного правительства... С. 28.

²²⁸ См.: *Из жизни* средней школы. С. 40.

сирование, передавалось в руки органов местного самоуправления, которым предоставлялось право налогообложения населения на нужды образования. Частным лицам, общественным, национальным и конфессиональным организациям давались широкие возможности в деле народного просвещения при условии соблюдения законодательных норм. Каждому гражданину обеспечивалась возможность получения образования на родном языке в общественных учебных заведениях всех ступеней и типов. Изучение государственного языка и обучение религии объявлялись необязательными. Общеобразовательная школа должна была стать единой и состоять из четырех ступеней: начальной, высшей начальной, средней и высшей. Законодательным путем установливалась бесплатность образования в общественных учебных заведениях всех типов и ступеней.

Из-за изменившихся политических условий эти преобразования не были завершены, но они дали импульс широкой общественной инициативе. 1917 г. стал временем бурных дискуссий о путях развития школы и активного школьного строительства. Со всей остротой встала и проблема национальной школы.

После Февральской революции проблема национальной школы стала одной из основных в мусульманском движении. Мусульманская интеллигенция попыталась реализовать свой вариант системы образования: расширить сеть национальных школ, создать общедоступную школу с преподаванием на родном языке, рассматривая ее как главный элемент народного образования. Проходившие повсеместно весной - летом 1917 г. съезды мусульман единодушно высказались за то, чтобы дело образования было передано в руки самих мусульман, начальная школа стала общедоступной, обучение производилось на родном языке, а расходы на покрытие учебного дела были отнесены за счет государства. Так, на Уфимском губернском мусульманском съезде, состоявшемся 14-17 апреля 1917 г., в рамках требования предоставления мусульманским народам культурно-национальной автономии выдвигалось положение об обучении в школах на родном языке. Аналогичные пункты присутствовали и в решениях І гу-

²²⁹ См.: *Из жизни* средней школы. С. 40.

бернского съезда мусульман в Казани (23–24 апреля 1917 г.) и Оренбургского мусульманского бюро²³⁰.

Требования реформирования школы присутствовали и в решениях собраний мусульман Сибири. Так, собрание барабинских татар, проходившее 5-7 апреля в ауле Тебисском Каинского уезда Томской губернии, выразило пожелание, чтобы «мектебе... находились в ведении Министерства народного просвещения и на них отпускались средства из земских или иных сумм наравне с русскими народными школами; преподавание же велось бы на родном языке по программе, выработанной Всероссийским мусульманским съездом...»²³¹. Мусульмане Томска ходатайствовали перед городским народным собранием об открытии новых школ и о включении мусульманских школ в общую сеть. Преподавание в этих школах должно было вестись на татарском языке, но с обязательным изучением русского. Для подготовки педагогических кадров предлагалось открыть мусульманский учительский институт для обоих полов²³². Реформирование школ взяли на себя органы самоуправления мусульман, возникшие в Сибири в марте апреле 1917 г. По примеру Временного центрального бюро мусульман в Петрограде в Сибири стали создаваться «мусульманские бюро». Одним из первых образовалось мусбюро в Томске, а затем и в других городах Западной Сибири - Новониколаевске, Камне, Тюмени, Омске²³³.

На I Всероссийском мусульманском съезде 1–11 мая 1917 г. в Москве (на съезде присутствовали и сибирские делегаты)²³⁴ была образована специальная рабочая секция по просвещению. На основе выработанных секцией предложений была принята резолюция из 24 пунктов, которая предусматривала реформирование мусульманской школы на демократических принципах: единая светская школа, всеобщее, обязательное, бесплатное начальное образование на родном языке, а в средней и высшей школе – на

²³⁰ См.: *Революционное* движение в России в апреле 1917 г. М., 1958. С. 701; *Вперед*. Уфа. 1917. 23 апр.; *Исхаков Д.М.* Проблемы становления и трансформации татарской нации. Казань, 1997. С. 33–34.

²³¹ ГАТО. Ф. Р-1138. Оп. 1. Д. 5. Л. 14.

²³² См.: *Нова*я жизнь. Томск. 1917. 31 мая.

²³³ См.: Сибирская жизнь. Томск. 1917. 21 марта, 16 июня; Голос свободы. Томск. 1917. 25 марта; Ермак. Тюмень. 1917. 1 апр.; Омский вестник. 1917. 12 (25) апр.

²³⁴ Н.М. Карпов представлял Томск и Барнаул, Г. Агишев — Омск. См.: Сибирская жизнь. 1917. 6 апр.; Омский вестник. 1917. 2, 26 апр.

общетюркском. Русский язык должен был изучаться лишь как один из предметов. Предполагалось создание системы национального образования, включавшей начальную, среднюю и высшую школу на автономных началах. Школы, открытые для мусульманских детей государством, городскими управами и земствами, а также самим населением, начиная с 1917/18 уч. г. преобразовывались в национальные. Подготовка учительских кадров передавалась в руки мусульман. Национальные школы должны были содержаться за счет средств государства и местных управлений. Учителя национальных школ уравнивались в правах с учителями русских школ. Религиозные школы переходили в ведение Духовного управления мусульман 235.

В обсуждение проблемы национального образования активно включились учителя-мусульмане. Проходивший 20–27 апреля в Казани I Всероссийский съезд учителей мусульман образовал Всероссийский союз учителей мусульман и бюро союза, на которое возлагалась обязанность подготовки программы реформирования мусульманской школы²³⁶. Своей главной задачей бюро Союза мусульманских учителей считало проблему преобразования начальной национальной школы. Подготовленный союзом проект предусматривал реорганизацию всех начальных школ в шестигодичные с программой, соответствующей программе двухклассных начальных училищ²³⁷.

Бюро Всероссийского союза учителей мусульман попыталось еще до созыва Учредительного собрания начать реформирование школы, создавая для этого временные мусульманские отделы народного образования при органах местного самоуправления. С этой целью в МНП и на места были разосланы обращения и резолюции Всероссийского мусульманского съезда и учительского съезда. Однако МНП оставило их без ответа, а местные самоуправления, за исключением Оренбургской и Уфимской губерний, где в большинстве земств имелись мусульманские отделы народного образования, дали уклончивые ответы, либо ожидая санкций министерства, либо ссылаясь на невозможность откры-

²³⁵ См.: Давлетшин Т. Советский Татарстан. Лондон, 1974. С. 79–80; Исхаков Д.М. Указ. соч. С. 34.

²³⁶ См.: *Тагиров И.Р.* Революционная борьба и национально-освободительное движение в Поволжье и на Урале. Казань, 1977. С. 161.

²³⁷ См.: Известия Всероссийского мусульманского совета. М., 1917. 14 июля.

тия мусульманских отделов ввиду малочисленности мусульманского населения. С учетом этого был сделан вывод о необходимости создания «самостоятельных, не связанных с русскими школьными комитетами, окружных и районных национальных школьных советов на выборных началах, равных в правах... с русскими комитетами»²³⁸.

Тем не менее решения учительского съезда на местах были восприняты мусульманами как руководство к действию. В частности, Томское мусульманское бюро обратилось в городское народное собрание с просьбой зарегистрировать в сети городских начальных школ существующие в Томске две мужские и две женские мусульманские школы. При этом указывалось, что в соответствии с постановлениями всероссийских мусульманских съездов преподавание в этих школах будет вестись на родном языке по программам двухклассных начальных школ светского типа с шестигодичным курсом обучения. Первые два года преподавание предусматривалось вести на родном языке, а в последующем – и на русском²³⁹.

Весной-летом 1917 г. прошли съезды учителей-мусульман в Самаре. Бузулуке, Чистополе, Мамадыше, Елабуге и во многих других местах, на которых обсуждались проблемы развития национального образования 240. Развернутая программа развития мусульманского образования на региональном уровне была предметом обсуждения состоявшегося 28-30 июня 1917 г. Томского губернского мусульманского съезда. Она была изложена в выступлении председателя мусбюро Н.М. Карпова и основывалась на принятых всероссийскими мусульманскими съездами началах автономности, однотипности, общедоступности, светскости, бесплатности начального национального образования с преподаванием на родном языке. В соответствии с этими принципами формулировались цели национальной школы: «развивать в учащихся любовь к родине и национальности», формировать «сознательных граждан», «давать учащимся ответы на все их жизненные запросы». Программа начальной школы должна была включать религию, родной язык на тюрко-татарском наречии; общеобразовательные предметы с преподаванием их на родном

²³⁸ ГАИО. Ф. Р-70. On. 15. Д. 922. Л. 2.

²³⁹ См.: Сибирская жизнь. 1917. 22 июня.

²⁴⁰ ГАРФ. Ф. Р-320. Оп. 2. Д. 221. Л. 44 об.

языке; русский язык (переводы с татарского языка на русский язык и обратно) в пределах начальных двухклассных училищ должен был преподаваться с третьего года обучения; пение; рисование; рукоделие и гимнастику. Управление мусульманскими школами передавалось в ведение губернского мусульманского совета, при котором учреждалась особая комиссия по народному образованию в составе представителя исполкома муссовета и трех учителей. При каждой школе создавался училищный комитет, пропорционально представленный учителями и местным мусульманским населением. Русская школьная инспекция устранялась. Содержание начальных мусульманских школ возлагалось на государство, земства, городские и сельские органы самоуправления²⁴¹.

Съездом были приняты важные решения о подготовке педагогических кадров для мусульманских школ. Предусматривалось открытие за счет государства двух учительских институтов мужского (дарульмугаллимин) и женского (дарульмугаллимат), летних курсов для учителей и введение института инструкторов школьного дела в губернии. Предполагалось, что курс обучения в учительских институтах будет пятилетний. Администрация и преподаватели, кроме учителя русского языка, должны были быть мусульманами и иметь те же права, что и преподаватели русских учебных заведений. Мугаллимы (учителя, имеющие диплом) освобождались от военной службы. На съезде был избран губернский мусульманский совет из 10 членов. Еще 4 места отводилось женщинам. В исполком муссовета вошли: Н.М. Карпов председатель, 3. Гайсин - секретарь, Галеев - мухтасиб (зав. духовными мусульманскими делами в губернии) и Юняев - зав. светским образованием мусульман. Съезд избрал двух делегатов на II Всероссийский съезд мусульман, созываемый в Казани²⁴².

Важное значение в деле концептуального оформления реформы мусульманской школы имели решения II Всероссийского мусульманского съезда, проходившего в Казани 20—31 июля 1917 г. одновременно со съездами мусульманского духовенства и военных мусульман. На совместном заседании 22 июля была провозглашена национально-культурная автономия мусульман внутрен-

²⁴¹ См.: Сибирская жизнь. 1917. 8 июля.

²⁴² См.: Сибирская жизнь. 1917. 4, 5, 7, 8 июля; Новая жизнь. 1917. 1 июля; Голос свободы. 1917. 6, 12 июля.

ней России и Сибири, а 31 июля принят проект закона о национально-культурной автономии. По этому документу вопросы, касающиеся религии, просвещения и языка, «немедленно и целиком» переходили «в руки самих мусульман внутренней России и Сибири». Предполагалось, что во всех школах (начальных, средних, высших), открытых для детей тюрко-татар (мусульман), обучение будет проводиться на татарском языке. В составе высшего органа автономии – Национального собрания (Миллет меджлис) - образовывался назарат (ведомство) просвещения. Для покрытия расходов на культуру, просвещение и религию предусматривалось ежегодное выделение из общегосударственного бюджета средств пропорционально численности мусульманского населения внутренней России и Сибири. В «национальных» губерниях, на которые делилась территория «внутренней России, населенной мусульманами», учреждались должности губернского инспектора по просвещению, а в округах, на которые должны были делиться губернии, - помощника инспектора. Ведомство просвещения признавалось «органом высшего управления, надзора и руководства учебно-воспитательскими делами». Ему предоставлялось право «открывать и закрывать мусульманские учебные заведения, назначать и увольнять преподавателей последних, выдавать на правах соответствующих органов Министерства народного просвещения свидетельства на право преподавания во всех мусульманских учебных заведениях». Говорилось об отмене старых «законов, регулирующих учебновоспитательное дело в мусульманских учебных заведениях» и о «признании в означенных школах права на родной язык». Наконец, подчеркивалось, что соответствующие функции должны быть «изъяты из ведения учебно-окружных управлений» 243

С июля 1917 г., когда была провозглашена национальнокультурная автономия мусульман, и до начала 1920 г. школьное образование мусульман фактически развивалось в системе культурной автономии, за исключением тех регионов, где была установлена советская власть. Несущей конструкцией этой системы являлась создававшаяся на местах сеть губернских, уездных, городских мусульманских советов (милли-шуро). Созданные ранее мусульманские бюро переименовывались в мусульманские советы. Так, в сентябре 1917 г. в Новониколаевске мусульманское

²⁴³ Давлетили Т. Советский Татарстан. С. 127-128; Исхаков Д.М. Указ. соч. С. 32-33.

бюро было преобразовано в исполнительный комитет муссовета²⁴⁴. В это же время образовались губернские и городские муссоветы в Иркутске и Тобольске²⁴⁵.

Организационное оформление структуры культурнонациональной автономии мусульман Сибири произошло на сибирском мусульманском съезде, состоявшемся в Томске в октябре 1917 г. На съезде были представлены городские, сельские и губернские (областные) мусульманские объединения Томской. Алтайской, Енисейской, Иркутской губерний, Амурской, Семипалатинской. Акмолинской и Забайкальской областей. Съезд признал факт провозглашения культурно-национальной автономии мусульман казанскими съездами. Для Сибири создавался свой орган – Центральный совет союза сибирских мусульманских советов, в который предполагалось ввести по одному представителю от каждой губернии и области и по одной женщинемусульманке от Тобольской и Томской губерний. На решениях съезда сказалось влияние идей сибирского областничества. Действия Центрального муссовета объявлялись временными до созыва Сибирской областной думы, после чего все его дела предполагалось передать в мусульманский отдел думы. Съезд постановил также образовать для Сибири отдельное областное духовное собрание с местонахождением в том городе, где будут располагаться исполком Центрального муссовета и сибирский областной центр²⁴⁶. Таким образом, организационная структура культурнонациональной автономии мусульман Сибири включала городские, уездные, губернские (областные) муссоветы во главе с центральным муссоветом. Параллельно поощрялось создание других мусульманских организаций: религиозных, профессиональных и военных.

По решению всероссийских июльских съездов было созвано Национальное собрание, заседавшее в Уфе с 20 ноября 1917 г. по 11 января 1918 г., которое выработало Конституцию культурнонациональной автономии мусульман и ряд положений об управлении их духовными и культурными делами. В той же сессии было избрано постоянное Центральное национальное управление (ЦНУ) в составе трех ведомств – просвещения, духовного и фи-

²⁴⁴ См.: Голос Сибири. Новониколаевск. 1917. 8 сент.

²⁴⁵ См.: Сибирь. Иркутск. 1917. 30 сент.; ТФ ГАТО. Ф. Р-152. Оп. 50. Д. 23. Л. 9.

²⁴⁶ См.: Сибирская жизнь. 1917. 7, 14 окт.

нансов - и принят ряд документов об управлении духовнорелигиозными и культурно-национальными делами. Ведомство просвещения Национального управления мусульман отправило на места, в том числе в Сибирь, проект организации органов управления по образованию мусульман и обратилось к местным самоуправлениям с предложением о координировании их деятельности по образованию мусульман с ведомством просвещения. За решением сложных вопросов предлагалось обращаться к ЦНУ, а по обычным делам - в органы его на местах - национальные организации мусульман²⁴⁷.

Приход к власти большевиков сказался на процессе реформирования народной школы, в т. ч. и национальной. Они провозглашали демократические принципы функционирования образовательной системы: бесплатное и обязательное общее и политехническое образование для всех детей, осуществление принципов единой трудовой школы, преподавание на родном языке, совместное обучение детей обоего пола, светский характер школы. В обращении наркома просвещения А.В. Луначарского к гражданам России, опубликованном 1 ноября 1917 г., в качестве первоочередной задачи выдвигалось достижение всеобщей грамотности, введение всеобщего, обязательного и бесплатного обучения через организацию единой светской школы, а также необходимость обеспечения всем учащимся возможности перехода в выс-шее учебное заведение²⁴⁸. «Декларация прав народов России», принятая 2 ноября 1917 г., провозгласила равенство и суверенность народов, отмену всех и всяческих национальных ограничений, свободное развитие нацменьшинств, населяющих страну, предоставила народам России право пользования родным языком и развития национальной культуры. Постановлением Наркомата просвещения от 31 октября 1918 г. всем национальностям, населявшим РСФСР, предоставлялось право организации обучения в средней и высшей школах на родном языке 249.

В то же время в своей образовательной политике большевики исходили из намерения революционизировать систему школьно-

²⁴⁷ См.: Сибирская жизнь. 1917. 30 нояб.; Дело Сибири. Новониколаевск. 1917.

²⁴⁸ См.: Штамм С.И. Управление народным образованием в СССР (1917-1936 гг.). С. 76–77. ²⁴⁹ См.: Там же. С. 79.

го обучения, превратить школу «из орудия классового господства буржуазии в орудие полного уничтожения деления общества на классы, в орудие коммунистического перерождения общества». Тем самым в процесс формирования системы народного образования с самого начала закладывалось явное противоречие. С одной стороны, провозглашались прогрессивные, демократические принципы функционирования образовательных учреждений; с другой — претворение в жизнь этих принципов ставилось в полную зависимость от идеологических установок власти 250.

По мере утверждения на местах советской власти руководство культурной жизнью, включая школу, сосредоточивается в руках Советов. Культурно-просветительная секция III Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, заслушав 16 января 1918 г. доклад А.В. Луначарского об основных задачах просветительной политики Советского государства, приняла Инструкцию по народному образованию. В ней предусматривалось создание при Советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов волостных, уездных, губернских и городских Советов по народному образованию. Постановлением Наркомата просвещения от 20 января 1918 г. должности попечителей учебных округов, главных и окружных инспекторов, директоров и инспекторов народных училищ, словом, всего министерского аппарата на местах упразднялись. В ряде мест были созданы отдельные советы народного образования. Однако создание новых органов по руководству культурой шло очень неравномерно и затянулось до лета 1918 г.²⁵¹

Декретом СНК РСФСР «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» от 20 января 1918 г. школа отделялась от церкви, запрещалось преподавание вероучений во всех общеобразовательных учреждениях. Поскольку к началу 1918 г. в мусульманских школах преподавание религии входило в учебные программы, этот декрет означал разрушение сложившейся традиционной системы конфессионального обучения. Взамен создавалась массовая светская школа советского типа. В конце апреля 1918 г. было распущено размещавшееся в Уфе Национальное управление культурно-национальной автономии мусульман

²⁵¹ См.: Штамм С.И. Указ. соч. С. 31-32.

²⁵⁰ См.: Соскин В.Л. Российская советская культура (1917–1927 гг.): Очерки социальной истории. Новосибирск, 2004. С. 172–173.

внутренней России и Сибири. Его роспуск воспринимался мусульманами как «акт упразднения национальной автономии мусульман внутренней России и Сибири», как «разрушение всех революционных завоеваний мусульманской демократии в культурно-национальной области»²⁵².

После временного падения советской власти в мае 1918 г. на востоке России культурно-национальная автономия мусульман возродилась и просуществовала до конца Гражданской войны. Образовав всероссийский автономный союз на экстерриториальной основе, стараясь быть нейтральными в общеполитической борьбе, мусульмане тюрко-татары фактически осуществляли права, вытекающие из основных положений о культурнонациональной автономии.

Отношение к культурной автономии мусульман со стороны сменявших друг друга в годы Гражданской войны правительств (всероссийских и областных) было различным. Так, Комитет членов Учредительного собрания в Самаре (Комуч) признавал «бесспорным» право на широкую культурно-национальную автономию за мусульманами тюрко-татарами. Национальное управление мусульман внутренней России и Сибири признавалось временным органом национального самоуправления впредь до утверждения соответствующего положения «всероссийской верховной властью». Временное Сибирское правительство в Омске, напротив, категорически отказывалось признавать культурную автономию мусульман и ее исполнительный орган — ЦНУ.

Не была признана культурная автономия мусульман и колчаковской властью. ЦНУ неоднократно (в январе, марте и октябре 1919 г.) обращалось к правительству с просьбой о «принципиальном признании» культурно-национальной автономии мусульман и Национального управления. Эти обращения, как правило, сопровождались организацией массовой кампании поддержки на местах. Однако правительство упорно отказывалось признавать ЦНУ и его ведомства органами автономии мусульман, всякий раз находя все новые и новые отговорки. Основная причина, как и до революции, заключалась в том, что колчаковская власть опасалась распространения влияния татар на другие мусульманские народы России. По словам министра внугренних дел В.Н. Пепе-

²⁵² Цит. по: Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 – лето 1918 г.). М., 2004. С. 383.

ляева, «проникнутые тенденциями панисламизма», эти «религиозно-национальные организации самовольно присвоили себе функции правительственных учреждений», «действуют... в узконациональных интересах одной лишь татарской народности и... стремятся не к сохранению, а, напротив, к отатарению других исповедующих магометанство племен»²⁵³.

Школьная политика являлась важной составной частью деятельности руководящих органов культурно-национальной автономии мусульман. Для обсуждения вопросов, связанных с решением задач создания и функционирования национальной системы образования, ведомство просвещения созвало в декабре 1918 г. в Петропавловске конференцию по народному образованию, для участия в которой были приглашены представители органов автономии мусульман всех уровней и преподаватели мусульманских образовательных учреждений. Программа совещания включала обсуждение проблем, касающихся начальной школы, внешкольного образования, подготовки педагогического персонала, обеспечения учебного процесса учебниками и пособиями. Предполагалось также обсудить комплекс вопросов, связанных со сферой деятельности органов образования мусульман, включая проблему взаимоотношений с земскими и городскими самоуправлениями²⁵⁴. По постановлению конференции, шестигодичные начальные школы, создававшиеся по решению апрельского учительского съезда мусульман, преобразовывались в четырехгодичные с обязательным преподаванием русского языка. Было принято также решение об объединении мужских и женских школ в смещанные²⁵⁵.

Все правительства, которые действовали на территории Сибири в годы Гражданской войны, не обходили вниманием проблемы национального образования. Предлагаемые ими способы их решения основывались на стратегии преобразования школьного дела, предложенной Временным правительством в 1917 г. Преемственность образовательной политики в Сибири была обусловлена и личностным фактором, связанным с именем профессора Томского университета В.В. Сапожникова. В июне 1918 г. он был

²⁵³ ГАРФ. Ф. Р-1701. Оп. 1. Д. 57. Л. 49 об. – 50.

²⁵⁴ См.: Свободный край. Иркутск. 1918. 29 (16) нояб.; Голос народа. Томск. 1918. 7 лек.

²⁵⁵ ГАИО. Ф. Р-70. Оп. 15. Д. 159. Л. 190 об.

приглашен заведовать отделом народного образования в Западно-Сибирском комиссариате, 1 июля назначен управляющим МНП во Временном Сибирском правительстве, а с 4 ноября 1918 г. по 5 мая 1919 г. являлся министром народного просвещения Временного Всероссийского (колчаковского) правительства²⁵⁶. Принимая портфель управляющего ведомством просвещения в правительстве П.В. Вологодского, В.В. Сапожников мечтал многое осуществить в деле демократизации и развития народного образования. Однако реальная действительность дала ему понять, как он сам утверждал впоследствии, «явную недоброкачественность и несоответствие историческому моменту этого правительства». Поэтому он отказался от поста министра и вернулся к научной и преподавательской деятельности²⁵⁷. 6 мая 1919 г. управляющим МНП был назначен П.И. Преображенский²⁵⁸.

Омским правительством было продолжено начатое Временным правительством реформирование школьного образования, направленное на расширение автономности школы. 30 июля 1918 г. были приняты Временные правила об управлении учебными заведениями Министерства народного просвещения. Попечительские советы при высших начальных училищах упразднялись. Заведование высшими начальными училищами, мужскими и женскими, гимназиями и прогимназиями, реальными, ремесленными и техническими училищами, которые содержались полностью за счет казны или с привлечением местных источников, в учебно-воспитательном и административном отношении возлагалось на педагогические советы этих учебных заведений. Их состав расширялся. Кроме учебного персонала и школьного врача, в педсоветы входили представители уездного, земского и городского самоуправления и родительских организаций. Педсовет формировался на выборной основе, включая председателя совета. Выборными становились должности преподавателей, директоров, школьного врача. На должность преподавателей избирались лю-

²⁵⁸ См.: ЖМНП. 1919. № 1. С. 3.

²³⁶ См.: Профессора Томского университета: Биогр. словарь. Вып. 1. Томск, 1996.

С. 231. ²⁵⁷ См.: *Федюкин С.А.* Интеллигенция и белое движение (1918–1920 гг.) // Советская культура: 70 лет развития. 1987. С. 111.

ди, обладающие установленным образовательным цензом. Результаты выборов утверждались министром²⁵⁹.

В задачи педсоветов входили прием учащихся, проверка и оценка их знаний, перевод в следующий класс, выдача свидетельств об окончании учебного заведения. Они утверждали программы преподавания на основании устанавливаемых министерством учебных планов, разрабатывали меры, направленные «к улучшению успехов и поведения учащихся», осуществляли подбор учебных пособий и книг для библиотек учебных заведений, заслушивали отчеты преподавателей, воспитателей и т.п. Министерству отводилась контролирующая роль над деятельностью педсоветов в преобразовании учебных заведений по новому типу, по введению в учебный курс новых предметов, введению совместного обучения для учащихся. Кроме того, министерство давало санкцию на открытие или закрытие классов и общежитий для учащихся при учебных заведениях. Финансовая деятельность педсоветов, включая непредусмотренные расходы, установление платы за обучение и содержание в пансионе тоже подлежала утверждению министерства 260. Эти меры, направленные на расширение автономии школьного образования, увеличивали и роль общества в жизни школы. В то же время Временным Сибирским правительством не была поддержана вторая сторона реформы, а именно передача средней школы в ведение земства. Эта мера была признана принципиально правильной, но несвоевременной изза отсутствия необходимого опыта у неокрепшего еще сибирского земства.

Что касается начальной школы, которая была передана в ведение земства еще в 1917 г., то за МНП сохранялся общий контроль над ведением учебных дел и расходованием средств²⁶¹. Министерство предполагало уже в ближайшем учебном году начать осуществление принципов единой школы и разработать план развития школьной сети, чтобы вместе с земствами «приблизиться к осуществлению всеобщего обучения», «полагая, что только грамотный народ может проникнуться сознанием твердой государ-

²⁵⁹ См.: Постановление Временного Сибирского правительства от 26 августа 1918 г. // Законодательная деятельность белых правительств в Сибири (июнь – ноябрь 1918 года). Томск, 1998. Вып. 1. С. 108–109.

²⁶⁰ См.: Там же. С. 112-114.

²⁶¹ См.: «Реальная» политика Временного Сибирского правительства // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 2001. С. 38–39.

ственности, необходимой для прочного строительства жизни страны». Большое значение придавалось развитию дошкольного, внешкольного и специального образования. Касаясь вопроса о духовных школах и преподавания Закона Божия во всех школах, В.В. Сапожников считал, что при отделении церкви от государства духовные школы должны содержаться за счет церковных общин или «реорганизовываться в средние школы нормального типа с переходом их в Министерство народного просвещения». Но пока не решен вопрос об отношении церкви и государства, министерство «в ближайшее полугодие» планировало «оставить духовные школы в первоначальном положении и испрашивать кредит на личный состав, не предрешая дальнейшей их судьбы». В.В. Сапожников особо указывал на необходимость увеличения оплаты преподавательского труда. Было обращено также внимание на повышение квалификации учителей путем устройства педагогических курсов и организацию учительских съездов, где преподаватели «могли бы совершенствоваться, слушая лекции избранных педагогов и в живом обмене черпать опыт в деле просвешения»²⁶²

Постановлением Временного Сибирского правительства от 26 августа 1918 г. упразднялись Западно-Сибирский учебный округ и главные управления училищ при бывших генералгубернаторствах Иркутском и Приамурском 263. В целом все эти изменения предполагали возможность влияния общественности, в том числе представителей разных народов, на образовательный процесс. Выборность педагогического состава обеспечивала некоторую автономность в кадровом вопросе.

Основы национальной политики Временного Сибирского правительства были сформулированы в проекте Временного положения о культурной автономии национальностей Сибири. Этот документ предусматривал еще до созыва Учредительного собрания предоставление «отдельным национальностям Сибири национально-культурной автономии, гарантирующей свободное развитие каждой отдельной национальности». В рамках культурной автономии «отдельным национальностям» предоставлялась возможность «организовать учебные заведения от низших до высших, с преподаванием на местном языке и отведением доста-

 ^{262 «}Реальная» политика Временного Сибирского правительства... С. 39—40.
263 См.: Постановление Временного Сибирского правительства... С. 152.

точного места русскому языку, как предмету изучения». К этому пункту делалось примечание: «...в случае недостатка местных национальных средств, учебные заведения могут быть субсидированы из государственных средств»²⁶⁴. Это примечание, означающее, по сути, двойное обложение школьным налогом нацменьшинств, вызвало справедливую критику в прессе. В частности, в статье учителя С.И. Альшица указывалось: поскольку «школа для детей господствующей национальности содержится на средства общегосударственные, взимаемые путем прямых и косвенных налогов со всего населения, в том числе и с национальных меньшинств, - то элементарная справедливость требует, чтобы дети всех национальностей учились за счет государства...». «Национальности Сибири, - подчеркивал он, - должны добиться изменения этого пункта законопроекта. Необходимо, чтобы государством и местными самоуправлениями отпускались в распоряжение органов национально-культурной автономии пропорциональная численности данной национальности часть средств, ассигнуемых ими на содержание школ». Это особенно необходимо, - считал Альшиц, - для школ «первых двух ступеней - начальной и высшей начальной, прохождение которых должно стать обязательным»²⁶⁵.

Правительству Колчака, пришедшему на смену Временному Сибирскому правительству, предстояло реализовать законы и постановления Временного правительства 1917 г., Временного Сибирского правительства 1918 г., нацеленные на осуществление принципа единой общеобразовательной школы. Преемственность образовательной политики власти обеспечивалась единством ее концептуальных оснований. Об этом можно судить по содержанию документа, опубликованного в «Журнале Министерства народного просвещения» за подписью директора департамента общих дел МНП И.С. Клюжева²⁶⁶. Министерство ставило своей первостепенной задачей ликвидацию существовавшего ранее антагонизма между правительственной властью и местными само-

²⁶⁴ Омский вестник. 1918. 5 (18) июля; Культурно-национальная автономия в истории России. Т. 1. Сибирь. 1917–1920. Томск, 1998. С. 131.

²⁶⁵ Голос народа. Томск, 1918. 31 июля; *Культурно-национальная* автономия... С. 136–138.

²⁶⁶ См.: Клюжев И. Общий очерк ближайшей деятельности министерства // ЖМНП. 1919. № 1. С. 22–84.

управлениями, выступало за «прочное объединение в деле школьного строительства» всех соприкасающихся с МНП земских и городских самоуправлений и разного рода учреждений, общественных и частных просветительных организаций. Следующей задачей, без которой невозможно было развитие народного образования, являлась подготовка учительского персонала для школ всех видов и ступеней, а именно: увеличение числа учительских институтов, семинарий, педагогических курсов и других учреждений. Далее говорилось о необходимости окончательного разрешения «назревшего вопроса об единой общеобразовательной школе, представляющей возможность каждому... переходить с ее первой ступени - начального училища в среднее (высшее начальное училище), затем четырехклассную гимназию, а потом - в университет или в другое высшее учебное заведение»²⁶⁷. Отмечалось, что проект о единой школе был почти закончен министерством еще при В.В. Сапожникове.

Министерству предстояло разрешить еще одну сложную задачу - введение всеобщего начального образования, начавшееся в 1908-1909 гг. и прерванное военными и революционными событиями. К 1914 г. были подготовлены документы для введения всеобщего начального образования в четырех уездах Томской губернии, двух - Тобольской, одного - Акмолинской, трех - Семиреченской²⁶⁸. Многие разработки того времени использовались министерством в 1919 г. в реформировании начальной и средней школы. Достижение этой цели рассматривалось министерством в 1919 г. как важнейшая задача, «в интересах общегосударственных и педагогических» 269. В объяснительной записке к проекту реформы общеобразовательной школы подчеркивалось, что конечной целью образования является «участие всех членов народа, каждого по мере его сил и способности в доступной всем единой национальной культуре... Многообразие нашей культурной жизни требует многообразия и в народном образовании, но оно должно осуществляться, сообразуясь не с классовыми и сословными привилегиями, а с дарованиями и талантом. Мы не должны оставлять не развитой ни одной молодой жизни, а от каждого должны требовать тот максимум, который он может дать, а это

²⁶⁷ Клюжев И. Общий очерк ближайшей деятельности министерства. С. 25-29.

²⁶⁸ См.: Там же. С. 79. ²⁶⁹ Там же. С. 84.

это возможно только через единую школу. Единая школа является великой дорогой просвещения, она расчищает путь и для обитателей самых глухих уголков к университету и высшей специальной школе. Для народного образования она играет такую же роль, как железнодорожная сеть для народного хозяйства»²⁷⁰. Предполагалось, что минимальный срок введения всеобшего обучения должен составлять 10 лет. Если бы этот проект был рассмотрен Советом министров в первой половине 1919 г., то в 1929 г. Россия была бы страной всеобщей грамотности²⁷¹. Новая школа мыслилась как «свободная, трудовая и национальная». Ее целью являлись «образование активной человеческой личности в гармоническом развитии ее психофизических сил и способностей», «выработка цельного характера на религиозноморальной основе»» и «воспитание человека-гражданина применительно к запросам своего народа, общества и государства»²⁷². Соответствующим образом предлагалось сформировать учебные программы.

Немаловажное значение придавалось управлению образовательным процессом – через МНП и его губернских и областных уполномоченных. В задачи последних входило осведомление о постановлениях в области народного образования, контроль над состоянием и деятельностью учебных заведений, участие в их делах, контроль над расходованием государственных средств, составление рекомендаций по улучшению работы средних и начальных учебных заведений, представление решений педагогических и попечительских советов в МНП²⁷³. Однако введение института министерских уполномоченных, как и циркуляр от 25 апреля 1919 г., изымавший из ведения органов местного самоуправления высшие училища²⁷⁴, рассматривалось органами самоуправления как умаление их прав и самостоятельности и вызывало с их стороны протесты. Сохраняя за собой функции наблюдения за содержанием образования и контроль над деятельностью учебных заведений, власть вызывала противодействие со стороны органов земского и местного самоуправления.

²⁷⁰ Клюжев И. Общий очерк ближайшей деятельности министерства. С. 83-84.

²⁷¹ См.: Там же. С. 79.

²⁷² Там же. С. 30.

²⁷³ См.: Там же. С. 33.

²⁷⁴ ГАНО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 284. Л. 45–45 об.

Вопрос об инородческой школе выдвигался Министерством народного просвещения в число первоочередных. Главная цель здесь виделась в том, чтобы преодолеть «бедность духовного развития» инородцев, что являлось бы не только «актом... справедливости по отношению к ним», но и служило «общегосударственной пользе». В решении этой задачи молодое сибирское земство, как полагало министерство, не обладало еще «ни материальными, ни культурными силами» и средствами. Поэтому МНП усматривало долг государства в том, чтобы прийти на помощь просвещению «инородцев». Решить эту задачу можно было через «открытие инородческих учительских семинарий, распространение по стране туземных начальных школ, составление и издание специально для инородцев учебников и учебных пособий, разработку типа туземной школы, соответствующей местным условиям, характеру и быту того или другого инородческого населения, составление сети таких училищ и т. п.» 275.

К июню 1919 г. МНП внесло на рассмотрение Совета министров временный проект всеобщего начального образования 276. Уже 11 июля по регионам был разослан циркуляр о введении всеобщего обучения²⁷⁷. Одновременно были разработаны проекты по реформированию учительских семинарий и институтов. На содержание вновь открываемых учительских курсов, 14 новых семинарий и учительского института министерство представило соответствующие сметы. Предусматривалось и решение вопроса о подготовке учителей для инородческих начальных училищ, об обеспечении их учебниками и учебными пособиями 278. В этот же период были разработаны проекты положения о татарской и корейской учительских семинариях. Обе семинарии учреждались на основании общих для учительских семинарий положений. А их особенностью было то, что кроме общих предметов, в них предполагалось преподавать «вероучение и природный язык со словесностью и с кратким очерком по истории татарского и корейского племени»²⁷⁹. Это была, по сути, первая попытка разработки

²⁷⁵ Клюжев И. Общий очерк ближайшей деятельности министерства. С. 38.

²⁷⁶ См.: Дальневосточное обозрение.Владивосток, 1919. 24 июня

²⁷⁷ См.: Антонов Е.П. Из истории формирования якутской интеллигенции // Национально-культурная политика в Сибирском регионе в XX веке. Новосибирск, 2004. С. 29.

²⁷⁸ См.: Дальневосточное обозрение. 1919. 18 июня.

²⁷⁹ ГАРФ. Ф. Р-320. Оп. 4. Д. 83. Л. 1 об.

проекта о национальных учительских семинариях, которая закладывала основные принципы подготовки учителей для инородческих училищ и поэтому была так важна.

Точных данных о числе мусульманских школ в Сибири нет. Наиболее многочисленны они были в Томской и Тобольской губерниях. Так, в Тарском уезде Тобольской губернии в 1917/18 уч. г. существовал 41 мектеб с 2 135 учащимися (из них 10 конфессиональных и 31 общеобразовательное с четырехгодичным курсом), в Тюменском уезде к началу 1919 г. насчитывалось 69 мусульманских школ²⁸⁰. В газетах сообщалось, что в Томском уезде в 1919 г. существовало 5 татарских начальных школ, а всего в губернии их насчитывалось 150²⁸¹.

В центре взаимоотношений органов власти, местного и национального самоуправления был вопрос о финансировании национальных школ. С дореволюционных времен национальные общины безуспешно добивались включения их школ в общую школьную сеть. С учреждением в 1917 г. земского самоуправления в Сибири вопрос о включении школ нацменьшинств в государственную школьную систему и переводе их на финансирование за счет казны и местного самоуправления становится особенно актуальным. Органы национального самоуправления, в том числе мусульманского, в массовом порядке обращаются к местному и земскому самоуправлению, в МНП с настойчивыми ходатайствами о включении национальных школ в общую школьную сеть. Сохранившиеся документы 1917-1920 гг. донесли до нас многочисленные сведения о том, что с подобными просьбами в органы власти и народного образования обращались мусульманские организации Акмолинска, Омска, Тюмени, Томска, Новониколаевска, Барнаула, Бийска, Иркутска, Кургана, Минусинска и других городов Сибири.

Эти прошения рассматривались, как правило, специальными комиссиями и по возможности удовлетворялись. Так, в январе 1918 г. в городскую сеть школ Новониколаевска была включена латышская, а в августе — эстонская и мусульманская школы. Это решение мотивировалось тем, что «заботы города должны касаться детей всех национальностей свободной России» 282.

²⁸⁰ См.: Там же. Оп. 2. Д. 23. Л. 70–70 об., 159–159 об.

²⁸¹ См.: *Народная* газета. Томск, 1919. 27 февр.; *Сибирская* жизнь. 1919. 6 июня. ²⁸² ГАНО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 240. Л. 227–227 об.; Д. 241. Л. 41–44 об.; Д. 274. Л. 57.

Осенью 1919 г. было удовлетворено ходатайство Бийского мусульманского общества о включении их частного училища в школьную сеть города 283 .

23 октября 1918 г. в Омске для рассмотрения вопроса о передаче национальных школ в ведение города было созвано специальное совещание представителей национальных организаций. Собрание проходило под председательством члена городской управы Г.Е. Узкова. После обмена мнениями совещание пришло к заключению о том, что преподавание в национальной школе должно осуществляться на национальном языке, назначение и увольнение учителей может производиться горуправой с согласия школьного совета училища и национального совета. Все расходы на содержание училищ город принимал на себя, а национальные общества передавали в распоряжение города все школьное движимое имущество. Принадлежащее обществам недвижимое имущество оставалось в их распоряжении, но они должны были безвозмездно уступить городу здания, занятые школами, в аренду на год и более по соглашению. Все инородческие школы обязывались давать минимум знаний, требуемых в начальной школе²⁸⁴

Однако далеко не всегда и не везде вопрос о включении национальных школ, в том числе мусульманских, в общую школьную сеть и их финансировании за счет средств города или государственной казны решался положительно. В условиях политической и экономической нестабильности процесс перевода национальных школ на государственное и общественное финансирование нередко затягивался на многие месяцы, наталкиваясь на всевозможные бюрократические препятствия и нестыковки. Так, в Томске городской отдел народного образования создал специальную комиссию для выяснения общих условий введения национальных школ в городскую школьную сеть. 8 августа 1917 г. состоялось заседание комиссии с участием представителей татарского, еврейского, польского и литовского населения. Они заявили, что берут на себя обеспечение школ помещениями, освещением, дровами и т. п., а со стороны города просят лишь обеспечения учительского персонала теми добавочными окладами, которые город платит своим учителям, и, кроме того, ассигнования на

²⁸³ ГАРФ. Ф. Р-320. Оп. 3. Д. 23. Л. 50-54.

²⁸⁴ См.: Заря. Омск. 1918. 27 окт.

школьные принадлежности. Думский школьный отдел пошел навстречу этим пожеланиям и постановил, что в будущем в его состав будут входить представители от всех национальных школ²⁸⁵. Одновременно дума постановила войти с ходатайством в МНП об отпуске этим училищам министерской субсидии в виде основного жалованья учителям. Но из-за произошедших вскоре политических перемен ответа из министерства своевременно получено не было, и местные национальные школы оказались в тяжелом положении. В 1918/19 уч. г. томская городская управа неоднократно обращалась по этому поводу в министерство с новыми ходатайствами, которые так и не были удовлетворены²⁸⁶.

Показательной в этом отношении является ситуация с мусульманскими школами в Иркутске. Здесь еще в сентябре - октябре 1917 г. мусульманский комитет и заведующий мусульманскими школами просили гордуму включить мусульманские школы в городскую сеть, указывая, что в Иркутске имеется около 200 детей мусульман школьного возраста. К осени 1919 г. их было уже 350. В 1918 г. открылись две новые школы для детей мусульманской бедноты, в которых все предметы преподавались на татарском языке, а русский язык был обязательным предметом. Со дня своего открытия эти школы полностью содержались за счет частных пожертвований, сборов благотворительных мероприятий, а также платы, взимаемой за обучение. На эти средства были построены два школьных здания. В условиях Гражданской войны расходы росли, а поступления средств постоянно сокрашались. Все это ставило под угрозу само существование мусульманских школ²⁸⁷.

Поэтому органы мусульманского самоуправления настойчиво требовали включения иркутских школ в городскую сеть и их субсидирования на равных с другими начальными школами основаниях. В июле 1918 г. они вновь ходатайствовали о выделении 40 тыс. руб. на содержание мусульманских школ, но получили отказ, мотивированный тем, что «мусульманские школы пока не введены в школьную сеть, и вообще вопрос о принятии инородческих школ в общую сеть еще подлежит обсуждению Иркутской городской думы». Тогда ведомство просвещения ЦНУ мусульман

²⁸⁵ *Сибирская* жизнь. 1917. 6, 8, 9, 12 авг.; Путь народа. Томск. 1917. 9 авг. ²⁸⁶ ГАРФ. Ф. Р-320. Оп. 2. Д. 23. Л. 21–21 об., 27–28.

²⁸⁷ ГАИО. Ф. 70. Оп. 15. Д. 159. Л. 192–193, 199–199 об., 203.

в конце ноября 1918 г. обратилось в Иркутскую городскую управу с запросом о том, как обстоит дело с включением мусульманских школ в общую сеть и что управа намерена предпринять для того, чтобы мусульманские школы не были закрыты ²⁸⁸. В июне 1919 г. в Иркутскую горуправу обратилось Национальное управление мусульман Якутской, Забайкальской и Иркутской губерний с просьбой об ассигновании средств на содержание начальных мусульманских школ города, включая оплату труда учителей и приобретение учебников, но в управе отсутствовала смета ²⁸⁹. Иркутское городское мусульманское управление направило в думу подробный доклад о состоянии школьного образования мусульман с обоснованием сметы на первую половину 1919/20 уч. г. и с просьбой об открытии кредита с 1 января 1920 г., настаивая одновременно на возбуждении перед МНП ходатайства о включении в школьную сеть мусульманских школ Иркутска ²⁹⁰.

Необходимым условием включения национальных школ в общую школьную систему было соответствие их учебных программ установленным программам начальных школ. Кроме того, требовалось, чтобы учителя имели соответствующую профессиональную подготовку. Но даже при наличии этих условий вопрос о включении национальных школ в общую сеть решался непросто, его решение затягивалось. О том, как это выглядело на практике, свидетельствуют архивные документы. Так, 24 октября 1917 г. Курганская городская дума по докладу комиссии по народному образованию рассмотрела и поддержала просьбу Мусульманского совета об отпуске средств на содержание персонала (учителей и сторожа) двух начальных мусульманских школ для 37 мальчиков и 40 девочек. Комиссия рекомендовала включить их в школьную сеть, но при условии подчинения «существующему порядку административного надзора наравне с прочими начальными школами» и соответствия учебной программы общей программе начального образования. Языком преподавания в этих школах был родной, а русский язык преподавался в качестве обязательного предмета²⁹¹. 16 ноября это ходатайство было возбуждено перед попечителем Западно-Сибирского учебного округа, но

²⁸⁸ ГАИО. Ф. 70. Оп. 15. Д. 159. Л. 163-164.

²⁸⁹ Там же. Л. 104-104 об. ²⁹⁰ Там же. Л. 190-193 об.

²⁹¹ ТФ ГАТО. Ф. Р-722. Оп. 1. Д. 51. Л. 19–19 об.

осталось без ответа. В январе 1919 г. Курганская городская дума приняла решение о включении мусульманской школы, наряду с польской и старообрядческой, в школьную сеть и утвердила сметы на их содержание. При этом было отмечено, что образовательный ценз учителей, преподающих в мусульманской школе, в отличие от польской и старообрядческой, не отвечал в полной мере требованиям, предъявляемым к школам при включении их в школьную сеть. На основании постановления гордумы горуправа обратилась в МНП за разрешением о включении мусульманской школы в городскую школьную сеть²⁹².

Минусинская городская училищная комиссия признала возможным включить мусульманское училище в городскую сеть школ в качестве однокомплектной школы в августе 1918 г. с условием, чтобы преподавание велось по программе общегосударственной начальной школы. При этом содержание «вероучителя» и «правоспособного учителя» общеобразовательных предметов предлагалось отнести за счет казны, а хозяйственные расходы за счет средств города. Мусульманская община, кроме того, просила выделить средства на оплату труда преподавателя татарского языка. Дума поддержала эти рекомендации, потребовав, чтобы школьное здание не использовалось для каких-либо иных целей. Вопрос о жалованье учителю татарского языка был оставлен открытым. Но окончательное решение о выделении средств на содержание Минусинского мектеба МНП приняло только через год – в ноябре 1919 г.²⁹³

Тарское уездное земское собрание на своем заседании 17 декабря 1917 г. постановило принять 31 общеобразовательный мектеб с начальным курсом и одно высшее начальное училище в Таре в школьную сеть с содержанием их за счет земского сбора. Однако губернское земское собрание отказалось их субсидировать и обратилось с соответствующим ходатайством в МНП. Пока шла эта переписка, мусульманские училища продолжали существовать на средства местного населения²⁹⁴. Аналогичная ситуация сложилась с мусульманскими школами в Тюменском уезде. Здесь еще в декабре 1917 г. по инициативе гласных-

²⁹² ГАРФ. Ф. Р-320. Оп. 2. Д. 23. Л. 65-66.

²⁹³ ГАРФ. Ф. Р-320. Оп. 2. Д. 23. Л. 57, 103-103 об.; Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-1800. Оп. 2. Д. 214. Л. 75-75 об. ²⁹⁴ ГАРФ. Ф. Р-320. Оп. 2. Д. 23. Л. 159-160.

мусульман на II чрезвычайном собрании уездного земства было принято решение о включении мусульманских школ в общую школьную сеть и о субсидировании их со стороны земства. Но к марту 1919 г. этот вопрос еще не был решен, уездное земство попрежнему добивалось от МНП включения мусульманских школ в общую сеть и внесения их в смету МНП на 1919 г.²⁹⁵

В условиях Гражданской войны, когда финансовая система была крайне расстроена, органы местного самоуправления даже в тех местах, где национальные школы были включены в общую сеть школ, нередко вынуждены были просить национальные общества об увеличении с их стороны материальной помощи школам. Так, Томская городская управа в феврале 1919 г. обратилась к мусульманскому обществу с предложением об оказании систематической денежной поддержки четырем существующим в городе мусульманским школам. Это ставило мусульман в неравные условия с русскими школами, возлагая на них дополнительные расходы, и поэтому воспринималось как проявление несправедливости по отношению к ним, поскольку мусульмане принимали одинаковое с русскими участие в расходах на школы городской сети²⁹⁶.

Особенно острой проблемой для национальных школ было качество преподавания. При рассмотрении вопроса о включении национальных школ в общую школьную сеть, как уже говорилось, одним из условий было то, чтобы учителя имели необходимую подготовку – установленный образовательный ценз. Однако этому условию соответствовали далеко не все национальные школы. Например, в Тарском уезде Тобольской губернии в 1918-1919 уч. г. назначение учителей было осуществлено со следующим образовательным цензом: 9 учителей-мугаллимов имели свидетельства магометанского духовного собрания, 14 учителей – свидетельства об окончании мусульманского высшего начального училища и удостоверения о прохождении краткосрочных педагогических курсов с предоставлением права преподавания в одноклассных мектебах; 3 человека окончили медресе Галия в Уфе, один – 3 класса медресе Расулия в Троицке и один – два класса в медресе Усмания в Уфе. Летом 1919 г. все учителя

²⁹⁶ См.: Народная газета. 1919. 23 февр.

²⁹⁵ См.: ГАРФ. Ф. Р-320. Оп. 2. Д. 23. Л. 67--68, 70--70 об.

прослушали педагогические курсы, организованные Тобольской земской управой 297 .

Уровень профессиональной подготовки учителей для мусульманских школ был невысоким, особенно в сельских школах. Отсутствие среди мусульман учителей с установленным образовательным цензом объяснялось тем, что до революции у татар почти не было специальных учебных заведений для подготовки педагогического персонала. Существовавшие в Казани и Симферополе две учительские школы не могли обеспечить кадрами огромную массу мусульманских школ²⁹⁸. Поэтому учителями в них работали, как правило, люди, закончившие медресе или подготовительные курсы. При назначении на должность не требовалось никаких дипломов, ставилось лишь условие сдачи экзамена на звание учителя (мугаллима)²⁹⁹. Органы народного образования констатировали, что школьное дело у мусульман поставлено «весьма плохо», «учащие не имеют образовательного ценза», «приемы обучения и воспитания у них допотопные»³⁰⁰.

Подготовка кадрового состава учителей для мусульманских школ проводилась, прежде всего, через организацию педагогических курсов. Такие курсы были организованы губернским мусульманским советом в Томске на средства губернского земства в мае - июле 1919 г. Выступивший при открытии курсов и. о. директора татарской учительной семинарии Ж.А. Хасанов в своей речи высоко оценил поддержку земства, назвав открытие курсов «фактом чрезвычайно большого культурного значения». Главная цель курсов заключалась в том, чтобы учителя мусульманских школ губернии «пополнили свои теоретические познания из области педагогики, истории, естествознания, литературы». Программа курсов включала языковую подготовку (русский и татарский языки), общеобразовательные предметы (математику, природоведение, географию, историю, рисование, школьную гигиену), методики преподавания математики, татарского и русского языка, педагогику и дидактику в объеме курса учительской семинарии. Все преподавание, за исключением татарского языка, ис-

²⁹⁷ ГАРФ. Ф. Р-320. Оп. 2. Д. 23. Л. 59 об. –123.

²⁹⁸ См.: Там же. Л. 67 об. – 68, 148 об.; *Д.Ю.К.* Наша школа // Сибирские записки. 1917. № 3 (май). С. 127.

²⁹⁹ ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 159. Л. 191.

³⁰⁰ Свободная речь. Екатеринбург. 1919. 18 марта.

тории, географии, школьной гигиены, шло на русском языке. В первом семестре занятия посещали 30 слушателей, имевших специальную подготовку не ниже двухклассного русского училища. Выпускники получили звание учителей русско-татарских школ³⁰¹.

Тобольское губернское земство также организовало с 25 мая по 15 июля 1919 г. мусульманские педагогические курсы, благодаря которым смогли получить подготовку около 100 чел. из начальных мусульманских училищ, в том числе 18 учительницмусульманок и три муллы. Лекторы были приглашены из Уфы, а педагоги – из мусульманских учебных заведений. Закончившие курсы учителя были весьма признательны губернскому земскому собранию, усматривая в этом шаге «зерно новой совместной жизни русского и татарского народов на основе сердечного братского единения» 302. По случаю окончания курсов мусульманское общество Тобольска устроило для лекторов и слушателей курсов вечер, в котором приняли участие представители губернской и уездной земских управ. Гостям был предложен ужин с полным отсутствием спиртных напитков. Это дало повод секретарю губернской земской управы С.В. Бунину заметить, что русским нужно поучиться у татар веселиться без выпивки³⁰³.

Важнейшим событием для мусульман Сибири стало открытие по решению Томского губернского мусульманского съезда (28—30 июня 1917 г.) в Томске тюрко-татарской учительской семинарии (дарульмугаллимин). Семинария была открыта 16 октября 1917 г. на основании Общего положения об учительских семинариях (Свод законов 1893 г. Т. 11, ч. 1. Ст. 2332—2420) и постановления Временного правительства об изменении штата учительских семинарий 14 июня 1917 г. (Собр. узаконений и распоряжений правительства 1917 г. Отд. 1. С. 873)³⁰⁴. Это было первое в Сибири специальное учебное заведение, созданное с целью подготовки учительских кадров для тюрко-татарских (мусульманских) начальных школ со светским образованием на родном языке и преподаванием русского языка.

³⁰¹ См.: Сибирская жизнь. 1919. 6, 11 июня.

³⁰² Русская армия. Омск. 1919. 27 июля.

³⁰³ См.: Тобольское народное слово. 1919. 7 (20) июля.

³⁰⁴ ГАТО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 612. Л. 19 об.; *Путь* народа. 1917. 26 окт.; *Голос* свободы. 1917. 26 окт.

Первоначально в семинарии были открыты два приготовительных класса, которые, по замыслу ее учредителей, должны были дать общую подготовку для поступления в первый основной класс, открывшийся в 1918/19 уч. г. Своего помещения семинария не имела и размещалась сначала в здании татарского училища. Занятия проходили в вечернюю смену. В 1918/19 уч. г. городская управа предоставила семинарии часть здания второго высшего начального училища, а Земское губернское собрание ассигновало 12 966 рублей на содержание семинарии. В этом учебном году в семинарии было открыто уже три класса: два основных и один приготовительный. Недельное расписание уроков выглядело следующим образом:

Название предметов	Приготовительный		2-й основной	Bcero
	класс	класс	класс	
Религия	2	2	2	6
Татарский язык	4	3	3	10
Арабский язык	2	2	2	6
Русский язык	6	6	6	18
Немецкий язык		3	3	6
История (татарская и общая)	2	2	-	4
Арифметика	4	4	_	8
Алгебра	-	_	4	4
Геометрия	_	1	2	3
Естествоведение	3	3	3	9 5
Рисование	2	2	1	
География	3	2	2	7
Итого	28	30	30	88

Преподавание всех предметов, за исключением рисования, русского и немецкого языков, велось на татарском языке. При семинарии имелось общежитие на 10 человек 305.

Сначала это было частное учебное заведение, содержавшееся на пожертвования и частично — на субсидии губернского земства. Но этих средств не хватало. Для улучшения финансового обеспечения и более совершенной организации подготовки учителей председатель губернского мусульманского совета Н.М. Карпов обратился в МНП с заявлением о принятии с января 1919 г. на государственный счет расходов семинарии и предоставлении ей прав правительственной учительской семинарии. Аргументируя

³⁰⁵ ГАРФ. Ф. Р-320. Оп. 2. Д. 221. Л. 31 об. – 32.

свое ходатайство, Н.М. Карпов ссылался на то, что мусульман тюрко-татар в Сибири, «начиная от разбросанных по всем уголкам татар и кончая огромной Киргизией», несколько миллионов. В заявлении указывалось на «единство религии и близость языков различных тюрко-татарских племен» и необходимость иметь для них начальные училища с хорошо подготовленным учительским персоналом. Подчеркивалось, что эта задача могла быть решена только с помощью специальных учительских институтов, воспитанники которых, «сохранив свои национальные особенности, в то же время приблизились бы к русской культуре и получили достаточное образование» 306.

Педсоветом был разработан проект устава семинарии³⁰⁷. 18 и 25 ноября проект был рассмотрен и одобрен компетентной комиссией в составе профессора Томского университета С.И. Гессена, председателя учительского союза И.М. Воскресенского, а также представителя губернского земства П.А. Васильева, Национального управления мусульман тюрко-татар в Уфе – И.Г. Биккулова и местного мусульманского самоуправления – 3.С. Гайсин³⁰⁸.

Проектом устанавливалось, что семинария будет находиться в ведении МНП и содержаться на средства казны. Ее цель определялась как подготовка учителей для татарских шестигодичных школ. В состав педагогического совета наряду с учебным персоналом и администрацией семинарии входили по одному представителю от губернского земства и городского самоуправления и два — от Томского национального тюрко-татарского самоуправления. Правом преподавания в основных классах семинарии обладали лица с высшим и специальным педагогическим образованием. Педсовету предоставлялось право допускать к преподаванию общих предметов, кроме русского языка и словесности, педагогики и дидактики, лиц, которые хотя и не имели высшего образования, но «по своим знаниям и опытности могли бы с успехом занимать должность преподавателя». К преподаванию религии, татарского и арабского языков допускались лица без соответст-

³⁶⁶ ГАРФ. Ф. Р-320. Оп. 2. Д. 221. Л. 31~34; Оп. 4. Д. 83. Л. 1; Сибирская жизнь. 1919. 26 фев.

³⁰⁷ Там же. Л. 35–38.

³⁰⁸Там же. Л. 32—32 об.

вующих свидетельств об окончании правительственного учебного заведения, но «известные своими учеными и литературными трудами или педагогической деятельностью».

Устанавливался пятилетний срок обучения, не считая приготовительного класса. Устав предусматривал наличие при семинарии физического, химического, технического и зоологического кабинета, библиотеки и мастерских для занятий ручным трудом, а также образцовой шестигодичной школы, где учащиеся могли бы проходить практику. Кроме того, предполагалось иметь интернат на 120 человек, содержащийся на казенные средства. Воспитателями интерната могли быть лица с высшим и специальным педагогическим образованием.

Преподавание всех предметов, за исключением русского языка, могло вестись на татарском языке. Предполагалось, что окончившие семинарию смогут поступать в университеты и другие высшие учебные заведения на равных правах с выпускниками правительственных реальных училищ. После пятилетней учительской практики выпускники семинарии приобретали право на преподавание в татарских школах второй ступени, но для этого они должны были представить в педагогический совет семинарии и защитить письменную работу по определенной специальности.

Учебная программа включала следующие предметы: религию; татарский язык и словесность; арабский язык и словесность; русский и немецкий языки со словесностью в объеме курса реальных училищ; географию, историю (татарскую, русскую и всеобщую), законоведение, психологию и логику - в объеме курса гимназии; математику (арифметика, тригонометрия, геометрия, начала анализа бесконечно малых величин и аналитическая геометрия); физику; естествоведение (природоведение, ботаника, зоология, химия, анатомия и физиология человека с гигиеной) - в объеме курса реальных училищ; методику преподавания татарского и русского языков, арифметики, естествоведения, истории, географии, рисования; историю и современную организацию школ разных типов в России и на Западе; дошкольное, школьное и внешкольное воспитание; школьное законодательство и письмоводство; рисование; пение; гимнастику и ручной труд; посещение образцовой школы и пробные уроки.

Недельное распределение часов было представлено следующим образом:

Предметы	Пригото-	Основные классы					Bcero	
	витель-	I	H	III	IY	Y		
	ный класс						Методи-	
							ка	
Религи я	2	2	2	2	2	2	1	10
Татарский язык	4	3	2	2	2	-	1	14
Арабский язык	2	2	1	1	1	-	-	7
Русский язык	6	6	5	5	5	2	2	31
Немецкий язык	_	3	3	3	3	-	-	12
География	3	2		2	2	-	1*	12
История	2	2	3	5	4	-	1**	16
Законоведение	-	_	-	-	1	-	-	1
Психология	-	-	-	-	2	-	-	2
Логика	s - -	-	-	-	-	2	_	2
Математика	5	6	6	6	2	3	1	29
Физика			3	3	3	-	_	9
Естествоведение	4	2	4	2	2	_	1	15
Педагогика и дидактика	- "1	-	-	-	2	2	-	4
История и совре- менная организа- ция школ в Рос-	; ["	-	-	-	o ≜ le	1	•	1
сии и на Западе Дошкольное, школьное и вне- школьное воспи- тание	_	-	9	æ	÷	1	÷	1
Школьное зако- новедение и письмоводство	-	-	-			1	-	1
Рисование	1	1	1	1	1	_	1	6
Пение	1	1	1	1	1	_		5
Посещение об- разцовой школы		-	2	5	-	16	-	16
и пробные уроки Г								
Гимнастика и ручной труд***	-		-	=	-	-	.21	10
Итого	30	30	33	23	33	28	7	194

^{* 1-}е полутодие.

При рассмотрении министерскими чиновниками докладной записки Н.М. Карпова и проекта устава семинарии было замечено, что проектируемая томскими татарами учительская семинария представляет собой не что иное, как новометодное медресе, с

^{** 2-}е полугодие.

^{***} Во внеурочное время.

той лишь разницей, что, в отличие от медресе, в семинарии «отбрасывается» приготовление мулл, а все внимание сосредоточивается на подготовке учителей. В таком виде Министерство народного просвещения признало учреждение татарской учительской семинарии «весьма желательным» 309.

Что касается проекта устава, то чиновниками было предложено привести его в соответствие с уставами существующих учительских семинарий, в том числе с уставами уже открытых к этому времени татарских учительских семинарий в Казани и Симферополе. Было предложено, в частности, ввести в состав педсовета представителей Томского национального тюрко-татарского управления в том же числе, что и представителей губернского земства и местного самоуправления; число казенных стипендий уравнять с русскими учительскими семинариями, т.е. 20 на класс, а особых средств на содержание интерната, кроме стипендий, не назначать; число классов должно быть то же, как и в других семинариях, т.е. четыре, а не пять, как предлагалось проектом устава: число преподаваемых предметов не должно превышать число предметов, преподаваемых в русских учительских семинариях, кроме татарского и арабского языков и словесности; программы преподавания русских предметов должны быть те же, что и в других учительских семинариях; число преподавателей то же (кроме преподавателей татарского языка и литературы); преподавание всех предметов, кроме вероучения, татарского и арабского языков и литературы, а также методики преподавания этих предметов, должно вестись на русском языке; лицам, окончившим татарскую семинарию, предоставлялись те же права, что и выпускникам русских семинарий; право преподавания в высших начальных училищах они получали на общих основаниях. По мнению МНП, вообще не было необходимости внесения на утверждение Совета министров особого устава для Томской татарской семинарии, а следовало внести лишь те отступления от общего устава семинарий, которые будут отличать эту семинарию от других. Отмечалось, что при такой постановке дела можно было надеяться на более быстрое утверждение проекта устава³¹⁰. На

³⁰⁹ ГАРФ. Ф. Р-320. Оп. 2. Д. 221. Л. 44 об.; Оп. 4. Д. 83. Л. 2. ³¹⁰ Там же. Оп. 2. Д. 221. Л. 60–61.

все эти предложения исполком Томского губернского муссовета ответил согласием³¹¹.

Пока шла переписка с МНП, семинария существовала на прежних основаниях. В 1918/19 уч. г. вместо планируемых одного приготовительного и двух основных классов имелись один приготовительный и один основной класс. Преподавались религия, татарский, арабский, русский и немецкий языки, история (татарская, русская и всеобщая), арифметика, геометрия, алгебра, естествоведение, география и рисование. Все предметы, кроме религии, татарского и арабского языков, татарской истории, были переведены на русский язык. Воспитанников в семинарии было 35 человек. Среди них были приезжие из Тобольской губернии и Акмолинской области. В приготовительный класс принимались лица, окончившие двухклассные училища МНП или выдержавшие соответствующие испытания, а в первый основной - лица, выдержавшие испытание в объеме высших начальных училищ МНП. Кроме того, поступающие подвергались испытаниям в знании религии, татарского, арабского языков и татарской истории по разработанной педсоветом семинарии программе³¹².

9 марта 1919 г. решением педсовета на должность директора был избран Желалетдин Алимович Хасанов. По мнению педсовегубернского мусульманского исполкома и та Ж.А. Хасанов отвечал всем необходимым для занятия должности директора семинарии требованиям - иметь соответствующее общее и педагогическое образование, знать татарский язык и жизнь сибирских мусульман и пользоваться в их глазах авторитетом. Уроженец Томска, Ж.А. Хасанов получил начальное образование в татарской приходской школе и втором высшем начальном училище Томска, а затем поступил в Уфимскую высшую мусульманскую школу. После ее окончания поступил в 7-й класс частной гимназии Группы педагогов. Получив аттестат зрелости, поступил в Томский университет, где прослушал два курса медицинского факультета и два курса математического отделения физикоматематического факультета. С 1915 г., являясь слушателем университета, Хасанов начал свою педагогическую деятельность, преподавал в томских татарских школах русский язык и общеобразовательные предметы. В 1917 г. участвовал в организации

³¹² Там же. Л. 48.

³¹¹ ГАРФ. Ф. Р-320. Оп. 2. Д. 221. Л. 59 – 59 об.

тюрко-татарской учительской семинарии, в которой проработал два года в качестве директора³¹³ и учителя математики. В 1918 г. он прослушал высшие педагогические курсы при Высших женских курсах в Томске³¹⁴. Однако то обстоятельство, что Ж.А. Хасанов формально не имел высшего образования, послужило препятствием для его утверждения в должности директора семинарии. Только в результате длительной переписки между МНП, Томской губернской земской управой и председателем губмуссовета Н.М. Карповым Ж.А. Хасанов был утвержден 6 октября 1919 г. приказом по министерству временно исполняющим обязанности директора семинарии³¹⁵.

Педагогический персонал имел разный уровень профессиональной подготовки. Русский язык и словесность в основном классе преподавал П.А. Поляков, окончивший словесное и историческое отделения Казанского университета, религию и арабский язык — З.А. Аюханов, получивший образование в Каирском университете. Татарский язык, словесность и историю во всех классах вел слушатель историко-филологического факультета Томского университета Ф.Н. Зулькарнаев, окончивший Высшую мусульманскую школу в Уфе. Выпускники Томского учительского института П.Е. Евсеев, А.К. Куликов и Г.С. Семенов (якут), прослушавший также два курса юридического факультета Томского университета, вели соответственно русский язык и математику в приготовительном классе, историю в основном и приготовительном классах³¹⁶.

С 1 января Томская мусульманская учительская семинария была внесена в смету на 1919 г., а с 1 июля постановлением правительства была включена в сеть правительственных учебных заведений. В ноябре 1919 г. Совет министров утвердил особое положение о тюрко-татарской учительской семинарии, согласно которому, кроме преподаваемых в русских учительских семинариях предметов, в ее программу включались магометанское вероучение и татарский язык с татарской словесностью и кратким очерком по истории тюрко-татарского племени. Все остальные

³¹³ По другим данным, первым директором семинарии был Ф.Н. Зулькарнаев (окт. 1917 – янв. 1918 г.), затем П.А. Поляков (февр. 1918 – февр. 1919 гг.)

³¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-320. Оп. 2. Д. 221. Л. 48—48 об.

³¹⁵ Там же. Л. 4-5, 9-11, 15, 19-30, 54-54 об.

³¹⁶ Там же. Л. 48 об. – 49.

предметы преподавались на русском языке. Директор семинарии, вероучителя и учителя татарского языка избирались из русских подданных, знакомых с природным языком учащихся, свободно владеющих русским языком, имеющих высшее (для директора) и среднее (для вероучителей и учителей татарского языка) образование. Для практических упражнений воспитанников в преподавании при семинарии учреждалось одноклассное с четырехгодичным курсом обучения училище³¹⁷.

Однако развернуть свою деятельность в полном объеме в условиях Гражданской войны Томская татарская учительская семинария не смогла. Помимо нестабильной политической ситуации и хозяйственной разрухи, такому положению способствовала неопределенность статуса семинарии как учебного заведения и отсутствие необходимых для ее содержания средств. В 1919/20 уч. г., первое полугодие которого семинария функционировала в условиях колчаковской власти, а второе - уже при советской власти, в семинарии действовали два приготовительных класса и первый основной. Сократилось число учащихся. Если при открытии семинарии их было 54 чел. (из них 18 девиц), в 1918/19 уч. г. - около 40, то к концу 1919/20 уч. г. - 22. Причина сокращения численности учащихся объяснялась не только сложностью переживаемого времени, но и, как отмечалось в документах школьного совета семинарии, «характером мусульманского населения, веками обижаемого и обделяемого в деле просвещения». Это были преимущественно деревенские дети, причем не только из Томской губернии, но также из других регионов Сибири. Большей частью они не были подготовлены для прохождения программы семинарии. Чтобы ликвидировать эти пробелы, с осени 1919 г. при семинарии были открыты высшее начальное училище и интернат.

Как отмечалось в протоколах заседаний школьного совета семинарии, высокой была текучесть учительских кадров. За три года существования в ней сменилось 25 преподавателей. Не имея своего здания, семинария сменила четыре помещения. Сначала она располагалась во втором начальном мусульманском училище рядом с мечетью на Татарской улице, в 1918 г. – в высшем начальном училище по улице Источной, в 1919 г. – в библиотеке мусульманского общества, с декабря того же года – в доме

³¹⁷ ГАТО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 612. Л. 1a, 19 об.

К. Хамитова по Большой Королевской улице. Своего инвентаря семинария почти не имела, если не считать 10 парт и нескольких шкафов и табуретов, пожертвованных мусульманским обществом. Учебных пособий и книг не хватало. Только в конце 1919 — начале 1920 г. в семинарии появилась своя библиотека, насчитывавшая около 1 тыс. томов, и несколько физических приборов и естественно-научных пособий. Не удалось добиться необходимого оборудования и для общежития (интерната) при семинарии³¹⁸.

С восстановлением в декабре 1919 г. в Томске советской власти статус семинарии изменился. Ж.А. Хасанов 1 января 1920 г. был избран председателем школьного совета, организованного по обычному типу школьных советов единой трудовой школы. Семинария перешла в ведение подотдела нацменьшинств при губернском отделе народного образования. В 1921 г. семинарию закрыли под предлогом невозможности содержания учебного заведения общесибирского значения за счет губернских средств, а также необходимости ее реорганизации 319. В 1923 г. на базе семинарии был открыт тюрко-татарский педагогический техникум для подготовки учителей тюркских школ Сибири.

В период революции и Гражданской войны конфессиональная мусульманская школа как таковая утрачивает свое значение. Ее реформирование приобретает иное содержание и смысл. Происходит трансформация конфессиональной школы в светскую, бесплатную, доступную школу, которая сопровождается созданием системы национального образования, включая начальное, среднее и высшее. Изменяется содержание учебного процесса за счет расширения языковой подготовки, включения трудового, физического и эстетического образования. При этом сохранялась воспитательная функция школы за счет преподавания основ религии. Мусульманские школы включаются в государственную систему образования. Но в ситуации политической нестабильности эти задачи в полной мере решить не удалось. После окончания Гражданской войны на смену конфессиональной мусульманской школе приходит татарская трудовая советская школа.

³¹⁸ ГАТО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 612. Л. 20-20 об.

³¹⁹ См.: *Лукиева Е.Б.* Из истории Сибирского тюрко-татарского педагогического техникума в г. Томске в 20-е годы // Мы – томичи, ваши земляки, ваши соседи. Томск, 2000. С. 93.